

Двенадцать дней против мифов о ядерном нераспространении

Новый пожар в Персидском заливе, *двенадцатидневная война* между Израилем и Ираном, до вмешательства США – с ударом супербомбой по ядерному объекту Фордо – выглядел как конфликт между государством, которому *позволили* иметь ядерное оружие, и государством, которое к этому стремится. Есть мнение, что это была очередная авантюра Биньямина Нетаньяху, который с 7 октября 2023 года ведёт войны на семи фронтах и участвует в нескончаемой бойне в Газе. Но на деле это – стратегическое решение: Израиль на долгосрочной основе обязуется предотвратить распространение ядерного оружия на Среднем Востоке. Эта установка, известная как доктрина Бегина, поддерживается всеми политическими силами страны.

Войны – это часть *«пересмотра истории»*, которое касается в том числе политических теорий и стратегий; это также верно для норм и доктрин международного права, *«бумажных стен»* либеральной концепции, которые начали рушиться ещё в ходе первой войны в Персидском заливе в 1991 году.

ДНЯО, Договор о нераспространении ядерного оружия, был одобрен Генеральной Ассамблеей ООН в 1968 году. Первоначально его подписали три признанные ядерные державы – США, СССР и Великобритания – а также 40 неядерных стран. На тот момент его главной целью было предотвратить появление *бомбы* у Германии. В 1992 году к договору присоединились Франция и Китай; в дальнейшем число подписантов выросло до 191 государства. Договор обязывает державы, которым *позволено* иметь ядерное оружие – то есть пятерым постоянным членам Совета Безопасности – не способствовать его распространению. Взамен неядерным странам гарантировалось право на развитие мирного атома под контролем Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Нельзя полностью отрицать роль международных договоров – равно как и значение воздержания от них или их денонсации. Однако в международных отношениях объективное соотношение сил между государствами явно перевешивает. Наряду с буквой договора существует, следовательно, реальный *ДНЯО* – выражение общего и регионального баланса сил между державами в их развитии, или, если хотите, выражение данного *порядка* унитарного империализма. Необходимо оценить степень влияния кризиса порядка на этот аспект международных отношений, который некоторые называют *«ядерным порядком»*, или, во всяком случае, на состояние *ядерной умеренности*, которое ограничивало распространение сил ядерного сдерживания на протяжении десятилетий.

Фактический режим *ДНЯО* строился на ряде неявных допущений. Ряд держав-членов Атлантического альянса получили ядерное оружие в своего рода *совместное пользование* – благодаря расширенному сдерживанию со стороны США. Германия, Нидерланды, Бельгия, Италия и, с менее определённым статусом, Турция размещают на своей территории американское ядерное оружие. В случае Германии эта схема предполагает, что американские бомбы доставляются немецкими самолётами. По мнению одних, речь идёт о настоящем *«двойном ключе»*, который мог бы предоставить Германии ядерный статус в случае конфликта. По мнению других, это спорно, поскольку окончательное решение в любом случае остаётся за Вашингтоном. Япония не имеет такого статуса в соответствии с доктриной *«трёх нет»*, которая до сих пор обязывала Токио не иметь, не производить и не ввозить атомное оружие на архипелаг, но США всегда отказывались уточнять, не несут ли их корабли или подводные лодки, размещённые на японских базах, ядерные вооружения.

Второе следствие касается Германии и Японии – держав, потерпевших поражение во второй мировой войне, ставших ключевыми союзниками США в Атлантическом и Тихоокеанском регионах, но одновременно находившихся в положении ограниченного суверенитета. В итоге немцы и японцы получили статус *ядерной латентности*, или *порогового состояния*, то есть обладание всеми производственными и техническими требованиями для создания бомбы и её ракетных пусковых установок, замороженными в состоянии нескольких месяцев или даже нескольких недель от их полноценной сборки. Этот статус стал результатом длительного процесса и политических столкновений в 1970-х годах, особенно в случае Японии. При президенте Джимми Картере были предприняты попытки отказать Токио в разрешении на переработку отходов атомных электростанций – источника плутония для боеголовок, – хотя внутри администрации существовало течение, выступавшее за то, чтобы

сохранить за Японией этот пороговый потенциал в интересах стратегического альянса. Япония поднимала эту тему в течение многих лет, пока Рональд Рейган, достигнув политического взаимопонимания с Ясухиро Накасонэ, не дал окончательное согласие. С тех самых пор продолжают разговоры о том, что *ядерная латентность* – это своего рода дополнительный протокол, который заполучил Токио в дополнение к японо-американскому договору о безопасности.

Третье следствие касается некоторых стран, которые инициировали собственные ядерные программы, начав с гражданской атомной энергетики или приобретения критических материалов, но были остановлены, – Бразилии, Аргентины и ЮАР. Претория, пользуясь тайной поддержкой Израиля, дошла до сборки четырёх рабочих взрывных устройств, но затем, по собственному заявлению, демонтировала их. По мнению Джозефа Ная – недавно скончавшегося теоретика *мягкой силы* – эта *ядерная умеренность* является фактическим результатом действия ДНЯО и активной политики администрации Картера по нераспространению, в которой сам Най играл далеко не второстепенную роль.

Наконец, за последние десятилетия некоторые малые и средние державы всё же сумели обзавестись ядерным оружием – это Израиль, Пакистан, Индия и Северная Корея. Випин Наранг, советник в администрации Байдена и один из авторов пересмотра американской ядерной доктрины в 2024 году, в своей книге *“Seeking the Bomb”* (“В поисках бомбы”) предпринимает излишне амбициозную попытку разложить различные траектории распространения в соответствии с концептуальной схемой, где есть державы-«спринтеры», действовавшие быстро, державы «с прикрытием», которые искали защищённого пути, и «скрытые» державы, вынужденные действовать тайно. Однако общий вывод выглядит убедительно: успеха в получении ядерного оружия достигали те страны, у которых был могущественный покровитель.

Израильские силы сдерживания, оцениваемые SIPRI в 90 боеголовок, стали возможными благодаря немецким деньгам, французским технологиям и американскому стратегическому одобрению. Наранг, ссылаясь на недавно рассекреченные документы, подтверждает, что Генри Киссинджер предложил Ричарду Никсону прибегнуть к приёму «притворной неосведомлённости», чтобы убедить, что США «должны поспособствовать Израилю в получении ядерного оружия», если Тель-Авив обязуется не предавать огласке его наличие.

Пакистан, у которого сейчас 170 боеголовок, как мы увидим ниже, получил такое же согласие от США в контексте афганской войны 1979 года, а позже был поддержан Китаем. Индия, имеющая сейчас 180 боеголовок, обнародовала свои силы сдерживания, проведя испытание в 1998 году – после того, как ядерный потенциал Пакистана стал общеизвестным; после мягких санкций, введённых президентом Клинтоном, Нью-Дели получил фактическое одобрение Джорджа Буша – младшего. Северная Корея, обладающая 50 боеголовками, является лишь частичным исключением; предположительно, она получила ядерные технологии от России и воспользовалась “благодетельным невмешательством” Китая благодаря своей роли *буферного государства*.

Другие державы, которые пытались осуществить ядерную военную программу, но не имели защиты со стороны других держав, были остановлены военным путём – либо США, либо Израилем. К ним относятся Ливия, Ирак, Сирия, а теперь ещё и Иран. Это и есть настоящий характер ДНЯО; очевидно, он отражает отношения между державами и меняющийся характер этих отношений.

До сих пор все вооружённые операции, направленные на срыв попыток распространения ядерного оружия, касались Среднего Востока. С точки зрения Израиля, это было применение доктрины Бегина. Но здесь также можно усмотреть применение доктрины Картера: сформулированная в начале 1980 года после вторжения России в Афганистан, она предусматривала, что США не допустят установления какого-либо гегемонистского контроля над Персидским заливом и Средним Востоком. Все последующие американские президенты придерживались этой доктрины, а войны 1991 и 2003 годов стали в конечном итоге её реализацией.

Однако документы, приведенные в книге *“Seeking the Bomb”*, показывают, что Картер и Збигнев Бжезинский дали добро генералу Зия-уль-Хаку, президенту Пакистана, на развитие ядерной программы – в духе той самой «притворной неосведомлённости», о которой Генри Киссинджер ранее договорился с Голдой Меир. Это решение приветствовал и Дэн Сяопин. В

течение многих лет обсуждалась угроза *“исламской бомбы”* – понимаемой как опасность распространения ядерного оружия среди государств, не достигших вестфальского уровня государственности и пронизанных апокалиптическими религиозными представлениями. Также отмечалось, что эта угроза вытекает из отношений между Пакистаном и Саудовской Аравией: саудовцы финансировали пакистанскую программу и, возможно, рассчитывали в обмен получить доступ к материалам для создания собственного сдерживания. Дело в том, что у истоков пакистанского распространения стояли контрмеры, подготовленные Бжезинским и поборником нераспространения Картером для противостояния брежневскому СССР в Афганистане: подлинным скрытым следствием доктрины Картера стала *суннитская исламская бомба*, предоставленная Исламабаду.

Сегодня, после *двенадцатидневной войны*, предметом обсуждения стала уже шиитская исламская бомба – и никто не знает, насколько эффективны меры по её сдерживанию. Парадоксально, но нападения на объекты в Фордо, Натанзе и Исфахане могут побудить к противоположным выводам. С одной стороны, кажется, что силовые правила *старого порядка* всё ещё работают. Ирану помешали получить ядерное оружие; ни Россия, ни Китай не захотели быть его защитниками.

Широко распространён тезис о том, что Нетаньяху втянул Дональда Трампа в свою военную логику: *хвост крутит собакой*, по американскому сленговому выражению. Израиль якобы также сорвал попытку самого Трампа решить вопрос переговорами, обвинив того в намерении воскресить СВПД – соглашение, которое устанавливало контролируемый режим обогащения урана в Иране под международным надзором. При этом, однако, забывают, что самую последовательную оппозицию СВПД высказывал Генри Киссинджер, утверждавший, что договор превратил *«предотвращение распространения»* в *«управление распространением»*. Старейшина американской реалистической школы доходил до того, что считал превентивную войну со стороны Израиля почти неизбежной. В этом смысле Трамп, нанёсший решающий удар по иранской ядерной программе, может с полным правом исполнителем политического завещания Киссинджера.

С другой стороны, можно утверждать, что *кризис порядка* подрывает остатки как реального ДНЯО, так и всей политики *нераспространения*. На региональном уровне звучат опасения, что Тегеран, насколько бы его не удалось задержать, окажется вынужден переступить порог ядерного сдерживания, и тогда Саудовская Аравия, Турция и Египет сделают то же самое. Таким образом, в самом нестабильном регионе мира могут появиться пять ядерных держав. На глобальном уровне агрессивная и демонстративная односторонность США подрывает систему альянсов. Токио видит, что его пороговый ядерный статус оказывается под угрозой, и раздражается из-за давления со стороны Вашингтона с требованием дальнейшего увеличения военных расходов. Так, он отказался от участия в саммите НАТО, как и Сеул.

В Европе решение о перевооружении на уровне 5 % ВВП – в контексте НАТО, переносащего вес на *европейскую опору* – шаг стратегически важный, но одновременно путь всё более узкий и труднопроходимый из-за непредсказуемых и театральных проявлений американской односторонности. Особенно учитывая, что Трамп продолжает высказывать сомнения в отношении пятой статьи Североатлантического договора – той самой, что обязывает к взаимной обороне.

Что касается самих Штатов, то *двенадцатидневная война*, безусловно, продемонстрировала в деле их военный аппарат, которому до сих пор нет равных, – но наряду с этим существует внутренний политический раскол и неустойчивость из-за дефицита и государственного долга. Это сочетание силы и слабости в державе, которая больше не хочет или уже не может быть гарантом глобального порядка, порождает множество неопределённостей.

Июнь 2025 г.